

*Таня
Малярчук*

«ЛАВ — ИЗ»

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М21

Дизайн обложки: *Юлия Межова*
В оформлении использована
картина Рене Магритта «Песня любви»

М21 **Малярчук, Тania**
«Лав — из» / Тania Малярчук; Составление и перевод с украинского Елены Мариничевой.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 253, [2] с.

ISBN 978-5-17-091133-2

Тania Малярчук (1983) — автор многих рассказов и эссе, переведенных на польский, немецкий, английский языки, и сборников (в т. ч. «Как я стала святой», «Зверослов», «Говорить»), а также романа «Биография случайного чуда». С начала 10-х стремительно набирает популярность в Европе. В 2013 г. стала лауреатом сразу двух престижных литературных премий: им. Джозефа Конрада-Коженёвского (Польша—Украина) и «Kristal Vilenica» (Словения). Современные российские критики сравнивают произведения Тани Малярчук с лучшими сюрреалистическими историями Людмилы Петрушевской, в которых блестяще соединены абсурд и реальность, а издание Frankfurter Allgemeine Zeitung отметило, что ее проза — «кричащий приговор в стиле великого русского сатирика 19-го века Салтыкова-Щедрина».

В сборник «Лав — из» — первое книжное издание автора на русском языке в переводе Елены Мариничевой, известной переводчицы, специализирующейся в последнее время на новейшей украинской прозе, — вошли рассказы из книги «Зверослов» и др., а также эссе.

© Тania Малярчук, текст, 2015
© Елена Мариничева, перевод, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ИЗ КНИГИ «ЗВЕРОСЛОВ»

Aureia aurita (Медуза)

1

Белла нерешительно присаживается на стул. Белле не по себе. Одна женщина в белом халате, очевидно врачаха, с аппетитом поедает персик, принесенный кем-то в качестве взятки за анализ мочи. Другая женщина в белом халате, очевидно медсестра, утупилась в журнал учета. Медсестре персик никто не принес, хотя именно ей — есть за что.

Врачиха и медсестра сидят за столом напротив друг друга. Белла — на стуле рядом.

— Добрый день,— говорит Белла, но на нее никто не смотрит.

Зачем я сюда пришла, думает Белла, они мне все равно не помогут, только деньги сдерут. Мне денег не жалко, я заплачу, но они не помогут. Посмотри на них: эти две женщины не любят людей. А те, что не любят, не могут помочь в принципе, даже если б чудом этого и захотели.

Сквозь большое немытое окно шарашит солнце.

— Ну и жара! — говорит врачаха своей медсестре. Капля персикового сока стекает ей в декольте.— Хочу на море.

Белла негромко откашливается, и врачиха, нервно тряхнув головой, наконец соглашается принять чье-то присутствие.

— Год рождения!

Белла понимает, что обращаются к ней, но не понимает, зачем.

— Ваш год рождения!

Белла радостно всплескивает в ладоши.

— А! Вот что! Семьдесят восьмой.

— Полностью, пожалуйста!

— Тысяча девятьсот.

Врачиха недовольно смотрит на Беллу.

Наконец увидела меня, думает Белла. Есть врачи, которые могут установить диагноз по внешнему виду пациента.

Что у нее болит, думает врачиха, аккуратно вытирая салфеткой руки и губы. Наверное, муж бросил, и все начало болеть. Головная боль неясного происхождения. Да-да.

Медсестра протягивает врачихе журнал учета. Говорит:

— Вчера слышала по радио, что температура воды в Черном море двадцать семь градусов.

— Ох! — театрально стонет врачиха. — Двадцать семь градусов! Кипяток! Хочу в купальнике, и на море, и на месяц!

— Так поедьте, — робко вклинивается Белла.

— Поедьте! Поедешь тут! Если очередь под дверью с утра до вечера!

— А у вас нет отпуска?

Врачиха искоса взглядывает на Беллу. Запор, думает она. Наверное, не может выкакаться. Я таких, как эта, насквозь вижу. Боже, и чем я думала, когда решила стать терапевтом?!

Aureia aurita (Медуза)

— Так,— врачаха деловито берется за работу,— как зовут?

— Белла.

— Белла? Вы венгерка?

— Нет-нет,— Белла смущается.— Но я там два раза была.

— Где?

— В Венгрии.

Врачиха с медсестрой обмениваются кривыми ухмылками. Все понятно. Диагноз — психушка, первый этаж, второе отделение, шестая палата.

— Ну и как там, в Венгрии? — изображая приязнь щебечет медсестра.

— Я была давно, честно говоря, плохо помню. Но купила там себе такую красивую бирюзовую куртку.

Белла мечтательно вздыхает.

— Ту куртку зажевало в стиральной машине, и пришлось выбросить все вместе.

Дверь кабинета приоткрывается, и в щель просовывается чья-то лысенькая, но очень усатая голова.

— Можно? — спрашивает голова.

— Не, ну что за люди пошли! — срывается врачаха.— Подождите в коридоре! Не видите, у меня женщины-на!

Дверь поспешно закрывается.

Врачиха решительно берется за Беллу.

— Белла, семьдесят восьмого года рождения. Тысяча девятьсот. Почему вы пришли? ЧТО У ВАС БОЛИТ?

Белла молчит. Нерешительно колеблется.

— Понимаете, у меня... у меня так чтоб болеть, ничего не болит... Просто... не знаю, сможете ли вы помочь... могут ли мне вообще помочь врачи, не знаю...

— Женщина! Или говорите, или никого не задерживайте! Люди ждут под дверью!

— Да-да, я уже говорю.

— Ну?

— Мне снится мужчина.

— Ваш?

— Нет.

— Знакомый?

— Нет.

— Как часто снится?

— Каждую ночь.

— И давно?

— Не знаю. Год. Два.

— Диагноз: психушка, первый этаж, второе отделение, шестая палата.

Врачиха молча смотрит в окно. В окно видно трамвайное депо и кладбище старых трамваев.

— Наверное, не надо было так...— бормочет она себе под нос.

— Григоривна, не вините себя! Все мы люди! — Аллочка только и ждала момента, чтоб высказаться.— И у людей нервы не железные. Ну сорвались, всякое бывает...

— Да я не то чтобы... Просто... Знаешь, я откуда-то ее знаю... Где-то уже ее видела...

— Григоривна, сделать чай? Чтоб расслабиться! Я сделаю! Вам какой? Черный или зеленый?

Григорьевна — миниатюрная астеническая блондинка лет сорока пяти. Напоминает экземпляр саранчи, засушенный меж страниц толстой книги.

— Может, и хорошо, что вы в этом году не поедете на море,— угодливо тарактит Аллочка, заваривая обещанный чай.

— И почему же это хорошо?

— Я слышала, что в этом году на Южном берегу нашествие за нашествием. Сначала медузы, которых развелось у побережья столько, что невозможно было купаться. Понимаете, впечатление такое, будто бьешься в медузах, а не в воде. Ужас сколько. А потом — саранча. Фу. Летала везде, и на пляжах тоже. Целые тучи саранчи. Несколько раз даже нападала на отдыхающих.

— Ну, Алла, ты же медсестра...

— Ну и что, что медсестра? — обижается Аллочка.

— Саранча не нападает на людей. А медузы — та же вода. На девяносто девять процентов вода.

— Григорьевна, — Аллочка ставит на стол перед врачом чашку чаю, без сахара и без лимона, — я говорю лишь то, что слышала по телевизору. А медуз, чтоб вы знали, я никогда в жизни не видела.

— Я ее вспомнила! — вскрикивает Григорьевна за пятнадцать минут до окончания смены.

Столетняя бабушка, что сидит перед ней, откликается:

— А? Что говорите? Я ветеран войны, мне полагается бесплатно.

— И кто она? — без особой охоты спрашивает медсестра Аллочка, выпроваживая столетнюю бабушку в коридор.

— Эта Белла... Она из дома напротив. Точно. Я вспомнила.

— Соседка ваша, выходит.

— Я поставила правильный диагноз, — Григорьевна с облегчением вздыхает, — она действительно сумасшедшая.

— И как ее сумасшествие проявляется?

— Врачу иногда хватает одного взгляда, чтобы все понять про пациента.

Медсестра объявляет отбой оставшейся за дверью части очереди. На сегодня прием окончен.

— Она не опасна? — спрашивает Аллочка, закрыв дверь изнутри на ключ.

— Кто, Белла? Нет. Она кошатница. Кормит всех котов в районе. И котов, и псов, не удивлюсь, если и крыс она кормит. Развела целый зоопарк возле дома. Ее все не любят.

Григорьевна причесывается перед зеркалом, потом переобувается — из шлепанцев в туфли на высоких каблуках, снимает белый халат — а под ним тонкое синтетическое салатное платье, — такое, как носила бы саранча, превратись она случайно в человека.

— Ха, Белла, — говорит Григорьевна, — какое дурацкое имя. Очень ей подходит. Как бы рано я ни встала — а она уже у подъезда, отбросы раскидывает по пластмассовым мисочкам. Зверья собирается тьма-тьмущая! Страшно пройти, честное слово, псы огромные, по пояс. Я живу на первом этаже, мне все видно. Люди с ней ругаются, но какое там! Не помогает. Смотрит, будто с креста снятая, моргает и молчит. Вызывали и санэпидемстанцию, и собачников-шкуродеров, и в ЖЭК заявления писали — все напрасно.

— Смотришь на таких, — с досадой замечает медсестра Аллочка, — думаешь, боже, какие добрые, котиков-собачек кормят, а если копнуть глубже, то почему кормят? Потому что мужика давно не имели. У бабы крыша едет лишь по причине отсутствия мужика.

Григорьевна удивленно вытаращивается на свою медсестру. Никогда бы не подумала, что Алла способ-

на сказать что-то настолько... хм... вульгарное. Вслух же она произносит:

— Котики-песики — лишь внешнее проявление восторженного сексуального влечения.

— Я так и хотела сказать.

Медсестра Аллочка густо краснеет.

Поздно, думает Григорьевна.

2

Григорьевне снится война. Она с трудом разлепляет глаза. Ей кажется, что вся она: руки, ноги, — все ее тело испачкано чужой кровью. В ушах еще продолжает звенеть от разрывов снарядов.

— Да что же это такое! — выкрикивает в предблеск сумерки Григорьевна. — Я же никогда войны не видела, фильмы про войну никогда не любила. Откуда это?

Босая, семенит она в ванную, чтоб там ополоснуться холодной водой. Постепенно приходит в себя.

— Снова встала слишком рано.

Подходит к окну.

Возле дома напротив Белла кормит кошек и собак. Обедки аккуратно разложены по разноцветным пластмассовым мисочкам. У каждого своя мисочка, и никто не лезет в чужую.

Какой у нее порядок, невольно думает Григорьевна. Слушаются ее.

Чайник кипит. Григорьевна заваривает себе большую чашку кофе. Запах кофе приятно щекочет в носу, и Григорьевне очень хочется закурить.

Хорошо, что дома нет сигарет, а то бы не удержалась. С чашкой кофе в руках встает возле окна.

Там все без изменений — Белла продолжает копошиться со своим зверьем.

Котики-песики, думает Григорьевна, а на самом деле секса хочется.

— А ведь хочется,— выговаривает вслух.

Белла никогда не гладит котов и псов, которых она кормит. Некоторые особенно благодарные создания лезут к Белле ласкаться, лижут туфли, но Белле их благодарность не нужна.

Я просто их кормлю, думает Белла, сидя в скверике возле подъезда, а кормить — значит поддерживать жизнь и ничего более. Я поддерживаю в них жизнь, а они уже пусть с этой жизнью делают что хотят.

Я кормлю их, думает Белла, чтоб оправдать свое бездействие, чтобы хоть что-то делать.

Полвосьмого утра.

Григорьевна спешит в поликлинику на работу. То же самое салатовое платье, подпоясана тонким ремешком из кожзаменителя. Ноги, худые и кривые, на каблуках выглядят еще более худыми и кривыми. Огромная блестящая сумка через плечо. Глаза подведены черным. Губы плотно сжаты, кажется, словно их нет вообще.

Григорьевна быстро, с высоко поднятой головой проходит мимо Беллы.

Мне нечего мучиться угрызениями совести, думает Григорьевна, я сказала ей правду. Сумасшедшим иногда полезно для профилактики сказать, что они сумасшедшие. Они, конечно, не верят, но зерно сомнения уже посеяно.

— Извините,— Белла трогает Григорьевну за плечо. Григорьевна резко, словно ее ударило током, останавливается.

— Извините,— повторяет Белла,— вы терапевт из районной поликлиники, правда?

— Я? — Григорьевна недоверчиво указывает на себя пальцем.— А! Я. Терапевт.

— Вы, возможно, уже не помните меня,— быстро говорит Белла,— я к вам вчера приходила...

— Действительно не помню, знаете сколько пациентов за день, всех невозможно запомнить...

— Да-да, это ничего... Я просто хотела извиниться...

— Извиниться? За что?

— Я вас,— говорит Белла,— поставила в такую ситуацию, когда вы вынуждены были повести себя плохо. Но вы не виноваты. Виновата я. Не нужно было приходить. Врачи не могут мне помочь. Извините. Наверное, я просто хотела с кем-нибудь об этом поговорить.

Григорьевна как-то сжимается сама в себе, уменьшается, открывает свою большую блестящую сумку, заглядывает в нее, а потом, словно убедившись, что спрятаться там не удастся, перекидывает сумку через плечо.

— Я вспомнила,— Григорьевна говорит чуть слышно.— Вам снится незнакомый мужчина.

— Извините,— повторяет Белла, давая понять, что разговор окончен. Она отходит назад в свой скверик, где как раз заканчивает утреннюю трапезу бездомный зоопарк.

Григорьевна еще немного смотрит вслед Белле.

Какая наглая, думает Григорьевна, врачи не могут помочь... Да врачи все про тебя знают!

* * *

Григорьевна вскрикивает, вытирает горячий пот со лба.

Быстро встает с кровати.

Надевает застиранный банный халат и выбегает из квартиры на улицу.

На улице свежо. Тихо. Белла раскладывает по мисочкам еду псам и котам. Григорьевна усаживается на скамейку рядом и молчит. Белла тоже молчит, хотя сразу замечает гостью. Самый большой из псов, рыжий, с белым кончиком хвоста, недовольно рычит в сторону Григорьевны.

— Тш...— Белла гладит пса по спине, и тот успокаивается.

— А мне снится война,— ни с того ни с сего говорит Григорьевна.— Постоянно снится война. Не знаю, почему и откуда. Глупость какая-то.

Белла садится рядом. Такая на удивление спокойная, думает Григорьевна, от нее веет покоем.

— Полно крови, полно трупов, бомбы, танки,— говорит Григорьевна.— И откуда? Я вообще никогда не думала про войну, не была, не видела, не слышала. Никто из моих родственников или знакомых не умирал на войне. За всю жизнь ни одного фильма про войну не видала. Ну, может, лишь «Дом, в котором ты живешь». Да, только один этот фильм. Но самой войны там нет. Все умирают за кадром.

Григорьевна беспомощно всхлипывает.

— Может, вам просто нужно отдохнуть,— выдает Белла. Но на самом деле она не знает, что сказать, потому что не разбирается в снах.

— Я уже боюсь ложиться спать... А вы?

— Я нет. Не боюсь. Я жду свой сон.

Белла внезапно меняется в лице, становится мечтательной.

Фу, думает Григорьевна.

— А что он с вами делает во сне... ну, ваш мужчина?

— Он учит меня плавать.

— Что?

— Мои сны всегда одни и те же. Я по пояс в воде, и он в воде, и учит меня плавать.

— Вы не умеете плавать?

— Не умею.

— Во сне не умеете?

— Вообще не умею.

Она таки сумасшедшая, думает Григорьевна.

— Он дотрагивается до вас? — спрашивает почему-то.

— Никогда. Только стоит рядом и говорит, что делать.

— Странно.

— Ничего странного. Мне хватает того, что он говорит. Я почти уже научилась плавать.

Псы и коты повылизывали свои мисочки и улеглись отдыхать неподалеку. Наибольший пес, рыжий, с белым кончиком хвоста, лежит подле Григорьевны. Будто сторожит.

— Может, когда вы научитесь плавать, все изменится.

— Изменится?

— Ну, может, он как-нибудь изменит свое отношение к вам. Вы же его, ну... он же вам нравится?

Белла краснеет.

— Он хороший,— говорит с грустью.— Очень хороший. Но, понимаете, я его совсем не знаю. Мы с ним никогда не говорили о чем-либо другом, только про плавание. Ничего личного. Может, он ужасно глупый. Как-то все так по-дурацки...

— И вы точно никогда не встречали его в реальной жизни?